

АНДРЮХА, У НАС...

Чужие сны и кошка Мара

— Что делать будем?

— Прыгать будем. Прыгнем и проснемся, ну или полетим...

Берцы предательски скользят по карнизу. Отступать некуда: позади Москва, а вокруг Санкт-Петербург и сто пятьсот оттенков серого. Справа, слева и впереди — серая жестяная крыша, сверху — серое небо, а сзади внизу — серый асфальт. На него-то мы и полетим. Я — так точно.

— Ты что, не понимаешь?! Это для тебя — сон, а для меня — реальность! Это ты проснешься, а я...

Мне это даже произносить не хочется: разобьюсь без права восстановления в должности. Здравствуйте, меня зовут Слава, я ваш новый наблюдающий, но это ненадолго, поскольку меня сейчас не станет. Перед глазами проносятся картины сегодняшнего дня. Вот утром резвый «Сапсан» мчит меня из Москвы в Питер.

— Не любят эту должность. Не понимают, — говорит начальник Управления сакральной безопасности, бегло проглядывая мои бумаги и подписывая их. — Никто не хочет наблюдать, все хотят действовать. Желают вершить судьбы мира, а не в конфликтах домовых с лешими разбираться или ангелов с чертями разнимать. На бал вампиров вообще никого не загонишь.

— Давно хотелось на земле поработать.

— Вот и поработаете. Я бы рекомендовал подружиться с русалками. Информация здесь быстрее всего

распространяется через них. Оборотни у нас почти все при погонах. Если машины нет, можете арендовать пегаса или грифона. Только, знаете, в одиночку вам поначалу будет сложно. Помощника ищите сами. Людей привлекать не советую. Неповоротливы они в тонком. Хоть бесенка за копеечку наймите. Только не человека!

Покинув офис УСБ, выхожу в город. На канале Грибоедова спускаюсь к воде и ловлю свое отражение в зеркальной глади. На вид подросток подростком, но это и хорошо. Армейский ежик на голове, армейские же ботинки с высоким берцем на ногах, брюки карго и толстовка оверсайз. По должности мне положена форма, но ее лучше надевать на официальные мероприятия вроде того же бала вампиров. В городе правильнее не выделяться из общей массы.

Подмигиваю отражению и смещаю фокус зрения. Город расслаивается на пласты. Слой сновидений отчетливо звенит оружейной сталью и милицейскими (именно милицейскими) сиренами. Похоже, кому-то неподалеку от меня снится яркий и сильный сон в антураже девяностых.

— Наблюдающий?! — Я вздрагиваю, мелко моргаю и вижу перед собой русалку. Она сидит на выступающей из воды свае и расчесывает длинные зеленые волосы вилкой. — Пока ты тут глазами хлопаешь, там одного мальчика в его сне, возможно, уже доедают. Жалко будет, если совсем съедят. Он такой красивый, как в кино.

Это только кажется, что сны — нечто эфемерное и пустое. Сны, связанные с городом, — его неотъемлемая часть, на которой пытаются паразитировать некоторые хитрецы. Есть создания, которые не прочь нарушить покой спящих кошмарами или направить энергию сна на себя, не дав сновидцу восстановиться после трудового дня или насладиться сном.

— Конкретно говори! — велю я.

Русалкам только дай волю — заболтают. Да и потом, какая разница, кого там доедают — мальчика или девочку (поэтому я предпочитаю стирать личную историю и на тонких слоях выглядеть как весьма условный персонаж). Главное, что это — нарушение, а моя задача — предотвратить злоупотребление силой, для чего надо понять, где это самое «там».

— То есть он и в самом деле из кино, — упоенно продолжает русалка. — Появляется на слое снов героем фильма, а каждый сон у него прямо как новая серия детектива! Нам очень нравится. А сейчас Мара в его сновидение на охоту пошла... Если она его съест, он на пару недель точно пропадет. Что мы тогда смотреть будем?

— Короче! — рычу я.

Русалка презрительно фыркает и указывает вилкой мне за спину. За проезжей частью возвышается доходный дом.

— Первая парадная, выход на крышу. Хвост ты моржовый, наблюдающий! — кричит она мне вслед, когда я бросаюсь в ту сторону. — Ни тебе здравствуй, ни мне прощай, а у нас, между прочим, культурная столица!

— Я — лимита понаехавшая! — выпаливаю в ответ. — Спасибо!

Пространство сновидений не всегда стабильно и однозначно, но в нем есть один непреложный закон: если дверь может быть открыта, она будет открыта. Дергаю за ручку и влетаю в богато украшенную лепниной парадную. Мчусь вверх по закручивающейся спиралью лестнице. Шумно дыша, выскакиваю на крышу. Меня встречают резкий порыв ветра и раздосадованное:

— Ты еще кто?! Ты что в моем сне делаешь?!

— Наблюдающий, — выдыхаю я, сердце бешено колотится. — Слежу за соблюдением равновесия.

Мальчик (в масштабах вечности, конечно, мальчик, а по человеческим меркам ему лет тридцать пять), который и впрямь выглядит как персонаж некогда популярного

«ментовского» сериала про неосвещенные улицы города Санкт-Петербурга, стоит на самом краю крыши. На него медленно надвигается крупная черная кошка размером с пантеру. Надо же, растерянно думаю я, Мара — это кошка, кошка Мара.

— Действительно, — кошка замирает и поворачивает ко мне голову, в ее голосе звучит недовольство, — что ты делаешь в его сне?

— Слежу за соблюдением равновесия, — отдышавшись, повторяю я. — Если, как мне сообщили, ему обычно снятся классические детективы, значит, тебя тут быть не должно. Нарушение налицо.

— Ты новенький, что ли? — недобро прищуривается она. — Кошмар — это исключение из правил. Он в своем детективе полез на крышу спасать красавицу, а она возьми и превратись в чудовище. На этом месте детектив заканчивается и начинается кошмар.

— Не будет никакого кошмара, — авторитетно заявляет сам сновидец. — Я сейчас просто сделаю шаг назад — и проснусь.

Мое сердце тоскливо сжимается, и я чувствую себя максимально глупо. Вот так рвешься, как в песне, из сил и из всех сухожилий в надежде успеть, а спасти никого уже и не надо.

— Точно культурная столица, — ворчу я, чтобы скрыть замешательство. — Одна в курсе про исключения, второй знает, что спит. Какая высокая осознанность населения. Даже просветительскую работу вести не надо.

— Вот и не ведаю, что зря воздух сотрясать. — Кошка идет рябью и увеличивается в размерах, потом бесцеремонно хватает меня за капюшон толстовки и ставит на край крыши рядом со сновидцем. — Продолжим! Хочу играть и есть!

— Только я так могу: погибнуть в первый рабочий день, — усмехаюсь я, балансируя на карнизе. — Если что, меня Славой зовут. А к тебе как лучше обращаться?

— Зови... Андреем, — отвечает он и спрашивает: — В чем она вообще заключается, работа твоя?

Кошка Мара неспешно ползет в нашу сторону. Время от времени она стремительно протягивает вперед когтистую лапу, потом так же резко убирает ее и смотрит на нас, чуть наклонив голову.

— Заявить о нарушении, — говорю я, стараясь не сделать рокового шага назад. — Обычно после этого нарушитель сливается в туман, в закат или что там вокруг него. Вот только эта кошка почему-то ноги уносить не собирается.

— У меня не ноги, а лапки! — возмущенно шипит Мара и прицельно замахивается на меня. — Ими так удобно сталкивать предметы!

— Я тебе покажу «предметы», — огрызаюсь я и продолжаю: — Если баланс сил нарушается и дальше, наблюдающий может поступить как считает правильным. Вот только как мне сейчас поступать?! Этой кошечке все Вышней Волей, а летать в чужих снах я не умею! Я вообще летать не умею!

— Что-то ты мудришь, наблюдающий, — спокойно отвечает Андрей. — Ты чего паникуешь? Нет здесь никакого нарушения. Кошечка хочет поиграть, а я прекрасно понимаю, что проснись, что бы ни случилось.

— Я есть хочу! — недовольно бросает Мара.

— А я жить хочу! — топаю я ногой.

Потеряв опору, вторая нога скользит и срывается с карниза. Андрей молниеносно перехватывает меня за толстовку и шагает навстречу кошке.

— Подвинься, мать твою Бастет! — командует он ей. — Видишь, у нас наблюдающий летать не умеет.

— Слава, — обиженно повторяю я, — меня зовут Слава!

— Мара, — отскакивая с нашего пути, представляется кошка и, обращаясь к моему новому знакомцу, жалобно тянет: — Я правда есть хочу! Все помешались на здоровом

образе жизни, и энергия снов стала такая же, как то, что они едят. Я этим не насыщаюсь. А у тебя сны плотные и вкусные. Русалки их вообще как кино смотрят. Чем я хуже?!

— Андрюха, у нас кошка Мара... есть хочет, — нервно усмехаюсь я, не до конца веря, что моя внезапная гибель откладывается.

— Тогда по кошкам! То есть по коням! Русалки, говорите, мои сны смотрят? У русалок же, наверное, рыба имеется. Мара, госпожу твою Фрейю, тебя рыба устроит?

В этот момент мне мучительно хочется провалиться под землю, минуя чердак, перекрытия и подвал доходного дома. Если бы мой спутник все еще не держал меня за толстовку, наверное, так бы и случилось.

— Красивое! — довольно улыбается кошка, когда русалки вытаскивают ей из канала рыбину, похожую на переливающуюся всеми цветами радуги рыбу-луну.

— Наслаждайся. — Андрюха треплет ее по холке и садится на гранитные ступени рядом со мной.

— Ты к нам откуда приехал, наблюдающий? — обращается ко мне уже знакомая русалка с зелеными волосами.

— Из Москвы, — нехотя сообщаю я и опускаю взгляд.

Мне по-прежнему невыносимо стыдно за произошедшее. Надо же так опростоволоситься! Человеческий сновидец в образе максимально далекого от подобных тонкостей персонажа лучше меня знает, как обращаться с посусторонними существами, хотя для него они, вообще-то, потусторонние.

— Так ты не местный? — радостно восклицает тот. — Зови, если что. Могу много чего показать и рассказать.

— Ты вот это сейчас серьезно? — Я меряю собеседника удивленным взглядом.

— Почему нет? — Андрей хитро прищуривается. — Может, я хочу добавить в детектив элемент мистики.

— Учти, звать я могу в любое время дня и ночи! — предупреждаю я.

— Без проблем! Я так понимаю, что время здесь нелинейно, да и пространство тоже. Как в том мультфильме, где вашу маму и тут, и там показывают. Так что не думаю, что это доставит мне сложности.

— Какой-то ты слишком умный для мента, — язвительно говорю я и нарочито выделяю имя голосом, — Андрюха.

— Я из интеллигентной семьи, — парирует он и смешливо добавляет: — А еще я сообразительный и меня все любят.

Кошка Мара доедает рыбу, подходит к нему и, развалившись у его ног, подставляет ему живот.

— Видишь, даже Мара это подтверждает. — Мой новый знакомый наклоняется и принимается чесать кошку.

— Прости, что хотела тебя съесть, — мурлыкает та, блаженно прикрыв глаза. — Была неправа.

Русалки хором вздыхают и смотрят на Андрюху влюбленными глазами, а мне ничего не остается, как принять неизбежное: с этого дня у меня новая работа в новом городе, а в нагрузку мне прилагается этот... кхм... условный мент, который давно стал частью культурного кода.

Надеюсь, мы сработаемся.

От автора

Санкт-Петербург был основан 16 (27) мая 1703 года и с самого своего основания вызывает бурные чувства и эмоции (заметим, как положительные, так и отрицательные). Город, рожденный из смелой задумки и ставший новой столицей — как политической, так и культурной, — город, конкурирующий с Москвой за внимание, он заключает в себе артефакты нескольких эпох. Будучи «окном в Европу», Петербург при всей строгости форм покоряет внешним и внутренним разнообразием и — как

на тонких планах, так и в человеческой реальности — состоит из множества слоев.

Первая серия текстового сериала «Андрюха, у нас...» — это первое прикосновение к петербургскому мифу, художественно воплощенному явлению, через которое определяется самобытность культуры Санкт-Петербурга и всего, что с ней связано. Читатель не только знакомится с главными героями, но и попадает в пространство Петербурга как города-мифа. Перед ним раскрывается узнаваемый пейзаж, то, что ассоциируют с данным городом, — канал Грибоедова, доходные дома, питерские крыши, детективные сериалы.

В первой серии происходит то самое приглашение к игре, в которой каждый может прикоснуться к магии города и к культурному коду, почувствовав себя героем. Не случаен тут и слой сновидений — во снах время не властно над нами и течет нелинейно, законы физики подчас оригинальны, дружба завязывается сама собой, а привычное и повседневное обретает новые грани.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)